

The background of the book cover is a detailed painting of a forest path. The scene is set in a wooded area with tall, thin trees and a path leading into the distance. In the foreground, a group of people is walking along the path. A woman in a red dress and a man in a dark coat are prominent. A small dog is running in the foreground. In the background, a church spire is visible through the trees. The overall atmosphere is somber and historical.

ЭЛЕОНОРА КРЕМЕНСКАЯ

ЗАПИСКИ О ТЕРПЕЛОВЕ

ТРИЛОГИЯ «АНГЕЛЫ»

Элеонора Кременская
Записки о Терпелове.
трилогия «Ангелы»

«Издательские решения»

Кременская Э. А.

Записки о Терпелове. трилогия «Ангелы» / Э. А. Кременская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740977-7

Книга начинается с коротких миниатюр о жизни реального человека, пьяницы и дебошира Валерки Терпелова (имя и фамилия не изменены). Продолжение походов этого героя вы можете найти в мистической трилогии «Ангелы», которая также входит в книгу.

ISBN 978-5-44-740977-7

© Кременская Э. А.
© Издательские решения

Содержание

Записки о Терпелове	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Записки о Терпелове трилогия «Ангелы»

Элеонора Александровна Кременская

© Элеонора Александровна Кременская, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Записки о Терпелове

Валерий Терпелов

«Глядишь, кажется, нельзя и жить на белом свете, а выпьешь, можно жить!»

И. А. Гончаров. Обломов

Безо всякого сомнения, героем городских легенд стал Валерка Терпелов, проживающий по адресу город Ярославль улица Курчатова дом 14 комната 25.

Человек с сомнительными умственными способностями, достойный кандидат в психиатрическую лечебницу, тем не менее, ни разу не пролеченный, хвастливый и самонадеянный, он свел с ума добрую половину интеллигенции всего города и я думаю, весьма поучительно будет некоторым людям почитать о том, что он натворил за свои пятьдесят с лишком лет...

Автор

Проснувшись, Валерка с утра долго смотрит в одну точку и сидит, вспоминая, как его зовут, а вспомнив, трясет головой, отгоняя навязчивый дурман слабоумия, и кидается кипятить чайник, как спасение, воспринимая кружку горячего чая.

* * *

У Валерки полно фотографий и новым людям он их показывает без конца. Лицо у него при этом светится от счастья. Он рассказывает о своей дочери Маше. Говорит о ней и только о ней, Машенька то, Машенька се. Новый человек вынужден вежливо его выслушивать. А Валерка без остановки рассказывает, как он каждую неделю ездил к Машеньке, пока она росла, в Кирово-Чепецк из Ярославля. И новый человек уже не без недоумения выслушивает,

что оказывается у Машеньки есть отец, мало того, друг Валерки, ну вот так получилось, ну переспал с ее мамой, и родилась эта самая Машка. Рассказом своим он доводит нового человека до головной боли и тот, едва держась на ногах, уходит восвояси. А потом на следующий день говорит знакомым о Терпелове и о его дочери и тут же слышит в ответ гомерический смех. Оказывается, у Валерки есть дочь и даже не одна, а две дочери-близняшки, Александра и Любовь, но они брошены в Приозерске под Питером беспутным папашкой еще во младенческом возрасте. А Маша – всего лишь дочь его школьных друзей, свое родство с ней он просто выдумал, может Валерка страдает скрытой педофилией, может еще чем, никто не догадался пока. Но семье Соколовых в Кирово-Чепецке он досаждал здорово, пока эта самая Машка не выросла, он все таскался к ним домой, семнадцать лет. Так, чтобы оправдать его частые наезды перед людьми, Соколовы вынуждены были придумать, что он родной дядя Маше... Странные люди, правда? Другие бы просто выгнали Валерку с позором, а они привечали его да еще беспокоились об этом дураке, каждый день звонили ему на работу, все ли с ним в порядке, не чокнулся ли он окончательно? А то еще стали приезжать со своей дочкой в Ярославль и мотались по городу, по редакциям, в которых имел несчастье работать Валерка, несчастье для редакторов, а счастливый «папашка» говорил всем, сияя улыбкой, вот, мол, к нему семья приехала, и был уверен, что это действительно так. Одним словом, та еще клиника...

* * *

К Валерке заехал знакомый музыкант из Америки. Вообще он приехал вовсе не к нему, а к ярославским музыкантам, но Валерка, страдающий манией величия, убедил американца заглянуть и к нему в гости, в русскую общагу. И смеялся насмешливо, что, дескать, конечно, можно живя в прекрасной гостинице верить, мол, все хорошо у русских, а ты, возьми, да зайди в трущобу, ну-ка? И смотрел с вызовом, с прищуром, но надеясь, все-таки, что Джон поведется и Джон повелся...

Джон не понимал игры слов, и хитрый Валерка беспрестанно ловил его на этом... На вопрос Валерки, откуда он приехал, Джон улыбался и кивал:

– Из Вашингтона.

Валерка, довольный, смеялся на такое интересное название знаменитого города Вашингтона.

Джон покупал в магазине бородинский хлеб и съедал его без остатка, засовывая в рот кусок за куском. Валерка удивленно качал головой на его голод и предлагал пироги да чай, но Джон только качал головой и бежал за очередной буханкой бородинского, а потом пояснял:

– У нас, в Америке, хлеб не вкусный, резиновый!

И никак не мог наесться, повсюду появлялся с бородинским, с удовольствием, съедал, как какое-то великое лакомство.

Валерка просил Джона поставить чайник, имея в виду, конечно же самое простое, поставить чайник на электроплитку и включить вилку в розетку. Джон понимал по-своему, хитро улыбаясь, он замечал, указывая на чайник, стоявший мирно на столе:

– Стоит!..

Опаздывая на работу, Валерка дергал Джона:

– Бежим скорее!

Джон непримиримо качал головой:

– Зачем бежать? Ехать-ехать!..

В редакции газеты «Голос профсоюзов» Валерка напоил Джона водкой. Где-то в Ярославле, в какой-то гостинице Джона ждала жена, но в какой именно гостинице никто из собутельников Валерки почему-то вспомнить не смог. Валерка с парой-тройкой таких же оголтелых пьяниц принялись водить Джона по всему городу. Останавливаясь перед очередной

гостиницей, они поднимали голову одуревшего от русской водки Джона и показывая ему гостиницу, кричали в уши, будто глухому:

– Джон! Вот эта гостиница?

Американец смотрел, качался и отрицательно мотал головой. Наконец, Джон вдруг воспрянул духом и заявил:

– Вот!

Валерка обрадовался. После недолгих препирательств с портье, он с пьяницами доставил Джона в номер, жена, кстати, русская, открыла двери и ахнула:

– Вы что! Он же ничего, крепче джин-тоники и не пил никогда!

Валерка спутано извинился, и беспорядочно толкаясь с собутыльниками, выскочил прочь из гостиницы, оставив жену с пьяным Джоном. Угрызений совести он не почувствовал, а только слово – подумаешь... пронеслось в его мутной голове.

* * *

Валерка, как и многие пьющие люди, боялся сойти с ума, рехнуться, так сказать, окончательно. В связи с этим с ним случались изредка казусы.

Вот и тут, в сопровождении двух друзей, Валерка продвигался домой. Напился, где-то на работе, шел, бормоча себе под нос практически девиз своей жизни:

«Пьяный – это, когда двое ведут, а третий ноги переставляет».

И тут, бабушка, соседка из соседнего дома вывела беленьких шпицев погулять. Она этих шпицев разводила, будто кроликов и продавала потом через собачий клуб, потому как производитель, маленький умный шпиц, у нее прослыл медалистом.

Десяток шпицев, одинаковых, пушистых, радостных скакали у нее на поводках. Улыбались, оглядываясь на свою хозяйку, и весело глядели вокруг.

Сколько раз, будучи трезвым, Валерка видел эту бабушку и ее собачек на прогулке, не счесть, а тут пьяным позабыл. Остановился, бешено завращал глазами, во все горло закричал, указывая на шпицев:

– Вы это видите? Одинаковых собак видите?

Один из его друзей решил приколоться и кивнул, что видит, да, только собака одна.

Валерка энергично затряс головой. Тряс, тряс, глаза то открывал, то закрывал, пока бабушка со спицами не прошла мимо. Валерка еще долго в изумлении пялился ей и ее собакам вслед.

Испытание тут же продолжилось. Кто-то поставил на дороге две одинаковые бутылки из-под пива, просто пил и поставил, не нарочно, в принципе не задумываясь о пьяном Терпелове.

А он, увидав две одинаковые бутылки, вообще обалдел, сел на землю и принялся плакать, обливаясь обильными слезами, что ему пришел конец. И все вопрошал своих друзей, сколько бутылок они видят, одну или две? Друзья не отвечали, а только озадаченно глядя на Валерку покурили, отдохнули, подхватили Терпелова за шиворот и доволокли таки до общаги, до комнаты, бросили, словно хлам на койку с серым задубевшим от грязи бельем, где он в слезах и в полном отчаянии, наконец, затих, заснув, что ему снилось, друзья не знали, хотя и прикорнули тут же рядышком, на затасканных матрацах, брошенных ими на пол.

Но утром, проспавшись и придя в себя, Валерка рассказал им об удивительном сне. Ему снились одинаковые спицы, количеством в миллион, заполонившие весь мир. Спицы бегали посреди множества одинаковых пивных бутылок и радостно лаяли...

* * *

У Сашки, друга Валерки Терпелова была собака, овчарка. Он ее не дрессировал совершенно, и собака чувствовала себя в связи с этим вольготно. Называл он ее Дикой собачкой. Собака была мужского рода и потому соответственно являлась кобелем, хотя Сашка упорно обзывал ее все-таки собакой.

Дик часто сопровождал Сашку на работу и с работы, валялся у него под письменным столом, в кабинете, лопал жареные пирожки, которыми питался его хозяин и с особенным удовольствием потреблял сваренные на плитке излюбленные всеми пьяницами дешевые пельмени.

И вот, однажды, Сашка, сильно пьяный, шел домой в сопровождении Дикой собачки и Валерки. Последний был, конечно же, пьян. Вообще надо было бы памятник поставить тому человеку в городе, который мог бы похвастаться, что видел Валерку трезвым.

Дикая собака регулярно подпрыгивала и повисала зубами на самой крепкой ветви, дергалась всем телом, отламывала для себя ветку и довольная, тащила ее впереди. Прохожие вынуждены были сторониться, да и вообще вынуждены были поспешно перебежать на другую сторону. Дик был без поводка, разве что в ошейнике, а его пьяный хозяин не внушал уверенности, как хозяин овчарки, которого пес будет слушаться.

Между тем, Дик убежал немного вперед. Два пьянствующих друга выписывая ногами кренделя и постоянно останавливаясь, о чем-то громко разговаривали, смеялись и долго копошились на одном месте, успокоено постукивая друг друга по плечам, и упираясь друг в друга лбами.

И тут из переулка вынырнула толпа переростков, человек в двадцать. Кулаки у них чесались. Увидели Валерку с Сашкой, Дик не заметили, сразу кинулись плотной толпой. Угрюмые, злобные рожи их мелькнули перед растерявшимся Сашкой ярким напоминанием о смерти.

Но Валерка, которого уже не раз к тому времени обследовали психиатры, тут же перешел из благодушного настроения в абсолютную ярость. Мгновенно. Ведь как бывает, на нормального человека надо долго орать, чтобы он расвирепел, а этот, Терпелов, заводился сразу. Вот только что с милой улыбкой с тобой беседовал, и ничто не предвещало беды, а через секунду улыбка уже сменялась бешеным оскалом...

И не дожидаясь особо, когда толпа переростков добежит и кинется на него, Валерка бросился им навстречу. Сашка не успел и глазом моргнуть, как переростки повисли на плечах и руках у Валерки. И яростный рык, которому мог бы позавидовать даже лев, вырвался из груди у него. Всех переростков он мгновение поколебавшись, кинул вперед себя, смял, кому-то успел дать по роже. Но ни один не устоял, повалились, как снопы. А тут и Дикая собачка налетела, бросила где-то свою ветку. С Валеркой, на пару, они в несколько секунд расправились с молодыми бандитами.

После, Сашка даже не успевший принять участие в драке, долго рассказывал в красках о победе двух озверелых созданий, Валерки и Дикой собачки, которую он, кстати, с большим трудом едва успел оттащить от горла одного из поверженных врагов, громко икающего после перенесенного стресса, защищаться – не нападать. А озверелого Валерку оттащить не представлялось никакой возможности, он бил и рвал в клочья с особенным наслаждением, потому что любил бить и рвать...

* * *

У Валерки было много друзей, и среди прочих самым-самым милым его сердцу был писатель Василий Ломакин.

Василий жил почти, что в центре, в старом бараке и у Валерки от его комнаты имелся ключ, впрочем, также ключ имел и Вася от валеркиной комнаты. Изредка они ругались, но за бутылкой всегда мирились. Общие интересы их невероятно сближали. Валерка называл своего друга не просто по имени, а уменьшительно ласкательно говорил ему Васенька. И было почему. Выглядел Васенька всегда чистеньким и ухоженным, хотя и являлся закоренелым холостяком. Редкие волосики на голове он сбрасывал начисто, и гладкая голова его вызывала у многих, кто с ним общался, желание погладить его, что ли. Вася даже как-то привык, что его голова служит объектом всеобщего внимания. Был Васенька голубоглаз, розовощек и, по мнению женщин как-то уж слишком походил на пупсика. Так и хотелось схватить его, замотать в пеленки и таскать по комнате, а заодно и баюкать, кормить из бутылочки.

Васенька, ростом маленький и пухленький, вечно таскал портфель с бумагами, ходил повсюду в синем костюме, в чистых начищенных ботинках. Служил он в городском архиве. Знал очень многое, мог ответить на любой вопрос, постоянно что-то читал и Валерка вынужден был тянуться за ним. Благодаря эрудиции Васеньки и он мог ответить почти на любой вопрос, почти правильно.

Но тут от вечных пьянок с Валеркой, а Валерка по-моему для того и родился, чтобы спить всю интеллигенцию города Ярославля, с Васенькой что-то случилось. Он вдруг вообразил, что в зубе у него инопланетяне соорудили передатчик. И не успел Валерка ничего сообразить, как тихий и спокойный Васенька схватил плоскогубцы, вывернул передний зуб так, что кровь хлынула на стол с закусками, залила рюмки с водкой, алыми брызгами покрыла всю бутылку. А Васенька с криками отчаяния, грозя черному ночному небу пухлыми кулачками, вскочил, распахнул раму и выпрыгнул в темноту, только пятки сверкнули. Валерка мгновенно протрезвел. Васенька нырнул со второго этажа.

Валерка бросился из комнаты, перепрыгивая через ступени лестницы, выскочил из подъезда вихрем понесся к месту падения несчастного друга. Но Васенька, опережая события и даже не почувствовав боли от падения, уже выбежал на оживленную автомобилями дорогу. На асфальт, безо всякого сожаления упали его спортивные штаны, в которых он имел обыкновение рассекать дома, следом полетела футболка, там же остались семейные трусы в цветочек. И на обозрение толпе, довольно-таки многочисленной в силу хорошей теплой ночи и близости центра города предстала белая фигура пупса-переростка. Конечно, Валерка не успел увести его обратно в комнату, к бутылке, нет, Васенька жил поблизости от районного отделения милиции.

Дежурные машины всегда то отъезжали от отдела, то подъезжали. Васеньку, как есть, голого схватили и посадили в клетку. Валерка только и успел, что подобрать с асфальта брошенную Васенькой одежду. Без промедления, пьяный не пьяный, он явился выручать друга в милицию. Однако, непреклонный дежурный объявил, что уже вызвана карета скорой психиатрической помощи. Вскоре она и подъехала.

Валерку допустили до врачей, они весьма внимательно выслушали, где Ломакин работает, что пишет, кстати, пишет довольно-таки неинтересно. И тут, в кабинет, где происходила горячая встреча взволнованного Валерки с психиатрами, привели Васеньку. Одетый, не без помощи милиционеров, он тоже был очень даже взволнован. Уселся и стал отвечать на вопросы врачей, поводя беспокойным блестящим взором в сторону окна, закрытого темными занавесками. Не прошло и минуты, как Васенька не выдержал и поведал, что за ним давно наблюдают инопланетяне и вставили ему что-то такое в зуб, какой-то передатчик. Врач не стал возражать, а как-то даже понимающе и искренне тоже заговорил об этой проблеме. Так они поговорили и врач, кивая головой, разрешил санитару незаметно подкрасться и сделать Васеньке укол. После, они немного подождали, пока Васенька осядет, а потом санитар взвалил на плечо, в принципе, не очень тяжелое тело и унес в машину. Врач сказал пораженному Валерке, когда и куда придти с документами Ломакина в «желтый» дом, то бишь в психушку.

Васенька лечился долго, а как вышел, так и отшатнулся от Валерки, потерялись общие связи, не стало той связующей нити, которая их действительно объединяла, то есть бутылки, он бросил пить. Они стали много ругаться и разошлись навсегда в разные стороны. Но с тех пор Васенька потерял как-то свою пупсовость, похудел, отпустил бороденку и стал тщательно избегать знакомых, а когда его останавливали на улице и здоровались, он уклонялся и говорил, что они ошиблись, мало ли похожих людей бывает и поспешно убегал куда-нибудь подальше. Может, ему стыдно было за себя, за свою историю с психбольницей, но скорее всего он понимал, что Валерка, невоздержанный на язык человек, никогда не промолчит, а наверняка, просто даже наверняка уже всем рассказал о его умопомешательстве. И зачем тогда терпеть насмешки, лучше уж так как-нибудь жить без старых знакомых...

Валерий Терпелов и ярославская общественность

* * *

Пьяный Валерка решил ехать к матери в Нижний Новгород. Но так как одному было скучно ехать, он стал уговаривать своего друга Сашку поехать вместе с ним. Сашка, дежурный по номеру и ответственный секретарь газеты «Северная магистраль», где они вместе работали, был пьян и сильно пьян. В пьяном бессилии, мало, что соображая и на все согласный, он пошел с торжествующим Терпеловым на вокзал. Вместе с ним сел в поезд и поехал, под монотонное раскачивание вагона скоро уснул, уютно свернувшись калачиком на нижней полке, Валерка забрался на верхнюю.

Утром, Сашка проснулся, вскинулся, ударился головой о верхнюю полку, метнулся туда-сюда и затряс Валерку. Не скоро, но его товарищ по перу соизволил проснуться и удивленно засмеялся на панику Сашки. Оказывается, по его мнению, ничего страшного не произойдет, если Сашка сегодня утром не сдаст номер газеты в типографию. Сашка орал и метался, бегом, в одних носках бегал к бригадиру поезда, попытался передать что-то через рацию, не получилось. На его счастье поезд прибывал на вокзал Нижнего довольно-таки рано и Сашка бегом, забыв надеть ботинки, кинулся в междугороднюю. Наконец, дозвонился до своего помощника, домой, разбудил его, рассказал, где находятся материалы на сдачу номера, велел ему сейчас же бежать в типографию и только тогда смог посмотреть в лицо Терпелову. Валерка безмятежно и чуть ли не насмешливо глядел в лицо своему товарищу, в руках у него были сашкины ботинки.

Слово за слово, они раскричались, один, беззаботный дурак пытался доказать, что ничего страшного не произошло. Другой считал, что Терпелов намеренно увез его, пьяного, из Ярославля в Нижний, чтобы его уволили, черные мысли так и проносились в помутневшей от гнева, голове. Сашка немедленно купил билет на тот же поезд следующий через два часа

после прибытия в Нижний обратно, в Ярославль, а Валерка, раздраженный таким отношением к себе, поехал на автобусе к матери. По дороге ему было пришла умная мысль в голову, что он поступил нечестно по отношению к товарищу и зачем увозил куда-то ответственного за выпуск номера газеты? Но мысль эту он тут же отбросил, вспомнив все оскорбления, которые на него свалил несчастный Сашка, горько пожалевший, что пил в обществе Валерки и вообще, что пил...

* * *

Валерка поссорился со своей женой. Она, женщина решительная и волевая, никак не могла примириться с его пристрастием к пьянству. А главное, она не могла смириться с мыслью, что ей в мужа досталась такая дрянь! Одним словом, хлопнула дверью и ушла. А он остался один вполне довольный своим одиночеством, напрягает, знаете как-то, когда беспрестанно кто-то требует вести нормальный образ жизни, быть как настоящие мужики, мужем, мужчиной и отцом, это так тяжело для пьяницы!..

Валерка, тут же на радостях обнялся с бутылкой. Напился он до бесчувствия и проснулся от пристального взгляда.

Ночь была темная, где-то далеко светил уличный фонарь, попадая в окно только узкой полоской света. Валерка валялся на кровати, прямо поверх одеяла и глядел в глаза своей жены. Она сидела на стуле возле полок с книгами. На полках стояли иконы, жена у Валерки была верующим человеком.

Стояла тишина, практически абсолютная или у Валерки уши заложило. Он почему-то испытал ужас, от которого сразу протрезвел. Жена сидела на стуле, не шевелясь, и с ненавистью глядела в валеркины глаза. Внезапно он вспомнил, что запер за нею дверь на внутренний засов, как же она тогда смогла попасть в комнату?.. Валерка себе уже всю руку исципал, подобной ненависти он никогда не видел в ее глазах. И одета она была как-то странно, во все белое... Он вспомнил молитву, которой его научила бабушка и стал шептать «Отче наш». Потом с трудом поднял руку, перекрестил жену, тут же и потерял сознание. Наутро очнулся. Стул стоял на том же месте, возле полок, а на полках иконы, видимо они не пустили это существо дальше. То, что это была не жена, Валерка убедился сразу, засов был добросовестно, им самим задвинут еще накануне вечером, все выглядело именно так, как он и помнил.

Жену он нашел на работе, она работала корреспондентом. Валерка путаясь и сбиваясь, рассказал ей о произошедшем. И поразился, что она совершенно не удивилась, единственное, что он услышал:

– Допился уже, так что суккуба привлек!

Правда, после этого случая Валерка не пил с месяц, бегал в церковь и даже сумел исповедаться и причаститься, но потом успокоился и запил снова. Привязался ли к нему суккуб или нет, неизвестно, но известно совершенно достоверно и тому многие свидетели, что к концу своей жизни Валерка стал менять рост, он вытягивался за одну только ночь, иногда, до двух метров, хотя был ростом всего лишь метр семьдесят пять сантиметров. Терпелов абсолютно преобразился, и знакомые не узнавали его примечательную личность с длинной чуть не до колен седой патлатой бородащей. Правда, некоторые отмечали появившуюся у него неизвестно откуда способность читать мысли собеседников, он довольно часто угадывал, кто, о чем думает, и ему было это почему-то очень важно знать. А когда ему отказывали в возможности проникнуть в мысли, доставался в собеседники более-менее сильный человек, умеющий закрываться, он, весьма настойчиво заглядывая в глаза, спрашивал:

– О чем ты думаешь?

И, если ему насмешливо отвечали, что ни о чем, он вскакивал и кричал испуганно:

– Человек не может ни о чем не думать!

И убегал, не в состоянии удержаться в рамках нормального поведения. Можно было бы все списать на его болезненное сознание, но согласитесь, не каждый сумасшедший ведет себя подобным образом и не каждому доступны такие уникальные способности, как чтение мыслей и изменение собственного роста, и много еще чего такого, о чем в обывательском обществе не принято говорить, слишком страшно...

* * *

Кузя, добродушный и живой малый любил при разговоре похлопать собеседника по плечу, чем вызывал у одного из своих дружков бурное негодование. Гордый и заносчивый он никак не мог сносить такой фамильярности, а вскакивал, гневно сверкая глазами, и кричал:

– Мне не нравится твоя привычка похлопывать! Не смей меня хлопать никогда, ты понял?

И угрожающе нависал над Кузей. Валерка, а речь идет, конечно же о нем, Кузю ни во что не ставил. Работал он обыкновенным слесарем, связей не имел, ничем пользоваться не умел, терпел побои от своенравной супружницы и скрывался подчас у друзей и знакомых от нее, дабы только выжить.

Добродушный Кузя соглашался с Валеркой и обещал больше не похлопывать его по плечу, да и вообще не похлопывать. Они, примиренные, выпивали, а потом опять Кузя, забывшись и увлекшись разговором, протягивал корявую свою лапу, натруженную на не легкой работе, похлопывал Валерку по плечу. И Валерка, взбешенный, вскакивал, бросался прочь, исчезая из собственной комнаты иногда даже на целую ночь, где он бегал, автору неизвестно, ну, а гость его, Кузя не обращая в принципе никакого внимания на странное поведение хозяина дома, укладывался спать, мирно засыпая где-нибудь под столом, на коврике...

* * *

Валерка совершенно не чувствовал боли. Может, он страдал истерической анальгезией, утратой болевых ощущений от заболевания тяжелой истерией, все может быть. Он был очень даже нервнобольным человеком с надломленной психикой или того хуже шизофреником с разными патологиями в мозговых сферах.

И потому абсолютно спокойно снимал кипящую кастрюлю с плиты, как говорится, голыми руками, не используя прихваток или полотенец.

Один раз в редакции «Голоса профсоюзов» перегорела электрическая лампочка в люстре под потолком. Валерка подставил стул, вывернул только что горевшую лампочку и протянул ее подоспевшей к нему на помощь сотруднице «Голоса профсоюзов» с тем, чтобы взять у нее новую лампочку. Она, видя, что Валерка спокойно держит перегоревшую лампочку, взяла ее и тут же отбросила, взвыла не своим голосом. На что Валерка искренно удивился, горячо? И, как горячо? И оглядел собственные ладони, никакого ожога он не увидел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.